

Гу Дао не ожидал, что он всего лишь попросил ученика лекаря передать весть, а супруги Чжан всё равно специально прибегают навестить его.

— Брат Гу, у тебя случилось такое большое дело, почему ты нам не сказал? Если бы мы не заметили, что тот мальчик из клиники, мы бы и не узнали, что с твоим супругом такое произошло.

Гу Дао поставил чашку с лекарством, поднялся и нашел для них два табурета.

— Лекарь Юнь сказал, что ничего слишком страшного нет. Я подумал, что вы и так заняты с торговлей, поэтому не стал просить Сяо Ва говорить подробнее.

Сяо Ва - так звали того лекарского мальчика, что ходил передавать весть. Гу Дао только что узнал, что мальчик был учеником лекаря Юня, а имя Сяо Ва ему тоже лично дал лекарь Юнь.

— Торговля торговлей, но раз у тебя случилась беда, мы ведь тоже не можем сделать вид, что нас это не касается.

Чжан Чуньлай говорила искренне. Хотя они с Гу Дао были всего лишь связаны делом, за это время общения у супругов появилось немало доброго расположения к нему. Будь то ради сохранения торговли на лотке или из личных чувств, они оба должны были прийти.

— Брат Гу, мы с мужем спешили и ничего особенного не взяли. По дороге купили немного пирожных, которые вы любите, возьми. Ухаживать за больным нелегко, тебе самому тоже нужно беречься. А то потом супруг поправится, а ты сам сляжешь.

Гу Дао принял сладости.

— Хорошо, тогда я не стану церемониться. Эти несколько дней я, боюсь, не смогу делать подливки, добавил вам хлопот.

Чжан Чэнфу равнодушно махнул рукой.

— Никаких хлопот. Ты не представляешь, насколько хорошо пошли дела у нашего лотка после того, как мы начали использовать твои подливки. Мы с женой с утра до вечера заняты так, что кости болят от усталости. Как раз ты остановишься на несколько дней, и мы тоже сможем отдохнуть.

— Да, к тому же скоро будет сто дней со смерти отца Чэнфу. Мы как раз собирались попросить у тебя перерыв и увезти ребенка на несколько дней в деревню, теперь так даже лучше.

Они еще немного поговорили, и Чжан Чэнфу собрался уводить жену. Выйдя, они увидели того

самого ученика лекаря, который привел их сюда: маленькими руками он держал чашку, на целый круг больше его лица, и, склонившись над маленьким столом снаружи, ел так ароматно, что даже не заметил, как несколько человек подошли ближе.

У Чжан Чэнфу был острый глаз, и он сразу понял, что тот ест лапшу. Хотя на вид блюдо было не слишком красивым, аромат у него был властный, прямо лез в нос и рот, маня до невозможности. Чжан Чэнфу как раз хотел спросить, из какой лавки эта лапша, когда лекарский мальчик, словно почувствовав взгляд, поднял голову и с еще не ушедшим удовольствием облизнул губы.

— Старший брат Гу, ты вышел. Соус, который ты сделал, слишком вкусный. Я специально оставил тебе одну чашку.

— Я не буду есть. Сейчас нет аппетита. Раздели ее с лекарем Юнем.

Глаза Сяо Ва вспыхнули, но следом он словно о чем-то подумал и поспешно замотал головой, отказываясь.

— Нельзя, нельзя. Учитель сказал, что эта чашка оставлена для вас. Соус принесли вы, мы не можем сами его съесть.

Гу Дао погладил Сяо Ва по маленькой голове.

— Ничего страшного, я правда не голоден.

— Тогда... тогда я...

Сяо Ва хотел сказать: «Тогда я еще немного съем», но Чжан Чэнфу вдруг протянул голову поближе.

— Нельзя... тогда эту чашку мне?

Стоило Чжан Чэнфу услышать, что это приготовил Гу Дао, как он тут же оживился, догадавшись, что это, наверное, новая подливка Гу Дао, и сразу захотел попробовать. Сяо Ва, видя, что гость Гу Дао хочет поесть, тоже не мог сказать отказ, поэтому с болью в сердце пошел на кухню и вскоре принес чашку лапши с картофельным пюре и мясным соусом.

Чжан Чэнфу с большим воодушевлением принял ее и вместе с женой, Чжан Чуньлай, стал пробовать: один глоток он, один глоток она. Лапши было не так уж много, и очень скоро они разделили ее дочиста.

— Брат Гу, это и есть новая подливка, которую ты сделал? Как она называется?

— Лапша с картофельным пюре и мясным соусом. Изначально я собирался завтра приготовить немного для вас, чтобы вы взяли продавать, но кто знал...

Чжан Чэнфу достал платок и вытер рот; в его выражении не было ни малейшего сожаления или затруднения.

— Ничего, ничего. Выпустим через несколько дней, всё равно.

Такая вкусная подливка - Чжан Чэнфу уже мог представить, каким шумом обернется торговля, когда они начнут продавать ее на лапшичном лотке. Ну отдохнут несколько дней - что в этом такого? Хорошее дело требует терпения.

Чжан Чуньлай думала так же. Супруги в прекрасном настроении еще помогли Сяо Ва вымыть чашки и палочки и только потом ушли. После них второй брат Лю, тетя Лю, хозяин куриной лавки Лу, даже старик Юань и второй брат Гуань специально приходили с подарками навестить Цзин Яо. Гу Дао не стал отказываться от их добрых намерений, лишь молча запомнил эту помощь.

На третий день пребывания в клинике Цзин Яо наконец проснулся. Он открыл глаза, и первым, что увидел, были старые потрескавшиеся потолочные балки.

Это был не дом Гу.

Он повернул застывшую шею и огляделся. Хотя и не узнал, где находится, но запах лекарств, наполнявший всю комнату, быстро подсказал ему: это клиника лекаря Юня.

Должно быть, после того как он потерял сознание, Гу Дао отправил его сюда. Только неизвестно, где сам Гу Дао сейчас. Неужели бросил его и вернулся домой?

Хотя подсознательно Цзин Яо считал это маловероятным, в душе у него всё равно почему-то поднялись и обида, и кислая досада. Он оперся на руки и медленно сел. Он думал, что конечности, несколько дней не двигавшиеся, будут особенно скованными, но не ожидал, что не почувствует ни малейшего неудобства. Даже во всем теле не было ощущения несвежести, а если присмотреться к запаху, от него исходил легкий аромат мыльных бобов.

Вдруг о чем-то подумав, Цзин Яо всем лицом резко вспыхнул. Не от злости, а от смущения, и даже он сам немного не понимал, почему. В этот момент раздался тихий скрип, и дверь комнаты толкнули снаружи. Цзин Яо сам не заметил, как в его глазах в тот же миг поднялось тяжелое ожидание, и как, увидев, что из-за двери выходит незнакомый мальчик, он ощутил густое разочарование.

Сяо Ва, однако, не заметил перемен в его глазах. Напротив, он радостно закричал:

— Проснулся, проснулся!

Следом послышались несколько смешанных шагов, быстро приближавшихся к комнате, и радостное лицо Гу Дао вдруг ворвалось в глаза Цзин Яо.

— Ты проснулся! Тебе где-нибудь нехорошо? Почему сел сам и не позвал меня? Сяо Ва, скорее сходи позови лекаря Юня, пусть еще раз посмотрит Сяо Яо.

Сяо Ва послушно кивнул и повернулся, направляясь к переднему двору. Когда он ушел, Гу Дао только тогда сел у кровати и ласково взял руку Цзин Яо.

Цзин Яо спокойно смотрел на него и неизбежно заметил покрасневшие края его глаз, синеватую щетину над губой и дрожащие руки.

— Ты...

— Как ты? Есть где-нибудь неприятные ощущения?

Цзин Яо немного растерянно покачал головой.

— Нет. Мне кажется, после этого пробуждения телу стало намного легче.

— Правда? Лекарь Юнь сказал, что на этот раз остатки яда в твоём теле вышли наружу, и после этого ты будешь восстанавливаться быстрее.

Цзин Яо попробовал ощутить внутреннюю силу, и действительно - прежнего вязкого затруднения больше не было. На его лице появилась радость.

— Прекрасно.

Но, заметив чистую одежду на своём теле, он тут же снова почувствовал неловкость во всем теле.

— Одежда на мне...

Гу Дао, ничего не замечая, сказал:

— Сяо Ва переодел.

Цзин Яо: «...»

Сяо Ва?

В глазах Гу Дао сиял простой чистый свет.

— Это тот самый мальчик, который только что заходил. Он ученик лекаря Юня. Сяо Ва часто ухаживает за больными, делает всё внимательно и ловко.□□

Цзин Яо: «...»

Хотя невинность сохранилась, почему же он всё равно чувствовал легкое разочарование?

Лекарь Юнь вошел в комнату с аптечным ящиком в руке и, увидев, что Цзин Яо проснулся, тоже очень обрадовался.

— Хорошо, что очнулся. Дай я посмотрю.

Гу Дао поспешно уступил место и подвинул лекаря Юню табурет к кровати. На этот раз лекарь Юнь осматривал особенно внимательно: боялся допустить промах, ведь так он не только навредил бы больному, но и разбил бы собственную репутацию.

— Очень хорошо. Теперь остатки яда полностью выведены. Думаю, супруг и сам это почувствовал.

Цзин Яо кивнул, подтверждая его слова, и на лице лекаря сразу отразилась радость. Он быстро выписал Цзин Яо новый рецепт и передал его стоявшему рядом Сяо Ва.

— Я заново составил рецепт. Присмотр лекарства полмесяца, и должно быть почти достаточно.

Сяо Ва с рецептом пошел вперед готовить лекарства, а лекарь Юнь еще немного рассказал, на что нужно обратить внимание, и очень сознательно вышел следом. За эти дни, пока сяо-фулан был без сознания, он успел всё увидеть своими глазами: Гу Дао действительно не думал ни о чае, ни о еде и все время сторожил у кровати. Кроме смены одежды и обтираний, все остальное он делал собственными руками, и сам похудел на целый круг.

Хорошо, что сяо-фулан теперь проснулся, иначе лекарь Юнь и правда начал бы тревожиться: продолжись всё так и дальше, его Сяо Ва пришлось бы с трудом ухаживать сразу за двумя больными. Подумав об этом, он по пути взял несколько порций укрепляющего лекарства и велел Сяо Ва сварить их для Гу Дао. Только бы тот не вернулся домой и не свалился от усталости, чтобы потом его снова в спешке не несли сюда.

Сяо Ва принял лекарства и с некоторой грустью спросил лекаря Юня:

— Учитель, Гу-фулан проснулся, значит, старший брат Гу скоро уйдет?

Лекарь Юнь, не особенно задумываясь, кивнул.

— Да. А что?

Уголки рта Сяо Ва немного опустились.

— Тогда мы потом больше не сможем есть столько вкусного?

Лекарь Юнь тут же вздрогнул. Как же он забыл об этом деле?

Погладив свой живот, который за эти дни явно стал круглее, лекарь Юнь тоже почувствовал нежелание расставаться.

В комнате Гу Дао сидел у кровати и смотрел Цзин Яо в глаза. Казалось, у обоих было тысяча слов, которые они хотели сказать друг другу, но никто не знал, с чего начать.

Гу Дао сказал:

— Проголодался ведь? Я пойду приготовлю тебе что-нибудь. Ты не знаешь: все эти дни, пока ты был без сознания, что бы я тебе ни говорил, ты никак не реагировал. Только когда я перечислял названия блюд, веки у тебя слегка шевелились.

Цзин Яо: «...»

Как будто он какой-то поросенок.

Цзин Яо с тоской и обидой покосился на Гу Дао, а потом погладил живот, который голодал уже несколько дней.

— Муж так надо мной смеется. А разве не потому, что муж готовит слишком вкусно? Даже без сознания я всё об этом думал.

Услышав это, Гу Дао обрадовался так, что почти себя не помнил. Разве думать о его блюдах чем-то отличалось от того, чтобы думать о нем самом? Он поспешно сказал:

— Тогда я сейчас же приготовлю тебе.

Сказав это, он даже не стал ждать ответа Цзин Яо и радостно вышел из комнаты. Едва войдя

на заднюю кухню, он сразу принялся кричать:

— Сяо Ва, старая курица, которую в прошлый раз прислал хозяин Лу, еще здесь? Я хочу сварить куриный суп. Ладно, ладно, сейчас варить куриный суп уже немного не успеть. Сяо Ва, ведь еще оставалось немного недоеденной свинины? Куда ее положили? Почему я не могу найти?

Сяо Ва указал на кусок свинины, который всё это время лежал в маленькой чашке на шкафчике.

— Старший брат Гу, разве она не всё время была здесь?

Гу Дао хлопнул себя по лбу.

— Вот как я переполошился, даже не увидел. Сяо Ва, это лекарство пока не спеши варить. Когда я приготовлю еду, тогда и сваришь. Лекарство натошак пить нехорошо.

Ученик лекаря понимающе кивнул и уступил Гу Дао печку, в которой только что развел огонь.

— Старший брат Гу, готовь здесь, я буду поддерживать огонь.

— Хорошо.

Гу Дао промыл глиняный горшок для каши и поставил его на лекарственную печку.

Сяо Ва стоял сбоку и смотрел, как старший брат Гу то промывает рис, то моет мясо, и невольно сглотнул.

— Старший брат Гу, что ты готовишь? Я вовсе не хочу тайком поесть, просто хочу тебе помочь.

Гу Дао улыбнулся и потрепал его по голове.

— Собираюсь сварить немного рисовой каши с постным мясом. Не волнуйся, тебе тоже достанется.

Получив твердое обещание, Сяо Ва широко заулыбался.

— Спасибо, старший брат Гу. Я помогу тебе вымыть.

Сказав это, он без лишних разговоров выхватил из рук Гу Дао тазик, отнес во двор и вымыл, а

вымыв, не забыл нарезать всё маленькими кусочками и только тогда вернул ему.

В этот момент Гу Дао как раз опускал в горшок мясную соломку и рис. Глиняный горшок тихо булькал мелкими пузырьками, из него поднимался естественный рисовый аромат, а сверху плавали обжаренные до золотистого цвета мясные полоски и нарезанный тончайшей соломкой имбирь. Сяо Ва не отрываясь смотрел на глиняный горшок. Хотя он уже не в первый раз ел кашу, приготовленную старшим братом Гу, почему-то никак не мог ею пресытиться. Каша, которую готовил старший брат Гу, всегда отличалась от той, что варили учитель или он сам. В каше старшего брата Гу всегда было много разных добавок: то сладкие красные финики, то слегка соленые мясные полоски и соленые овощи, а то и нарезанные тонкой соломкой жареные палочки из теста. На вид это казалось немного странным, но вкус был очень хорош, и каждый раз он мог съесть целую большую чашку.

— Сяо Ва, присмотри за этой кашей, а еще помоги мне вскипятить немного воды. Я пойду нарежу курицу, вечером потушим куриный суп и выпьем.

— Хорошо!

Сяо Ва от радости едва не подпрыгнул. Хотя солнце еще ярко сияло прямо над головой, он уже начал ждать наступления вечера.

Примечание автора: «Бросаю вызов: самый быстро очнувшийся гун!»

Цзин Яо: Моя одежда...

Гу Дао: Сяо Ва передел.

Цзин Яо: ...Строил глазки слепому» [рыдает] [взрыв] [взрыв] [взрыв] [взрыв] [взрыв] [рыдает] [рыдает]